

АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

ОСОБАЯ ПАПКА

Роман
Книга третья цикла
«Мальчик из сада»

Александр Ладоги

Особая папка

<https://litres.ru/74629543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать шестое июня 1953 года.

В Кремле арестован Берия, но страна узнает об этом только через две недели. А на берегу Оби столетний старик подходит к молодому мужчине и называет его по имени. Своим собственным.

Это один и тот же человек. Ближе пяти шагов им нельзя: звенит в ушах, идёт кровь, встают часы. Всё, что случится с молодым, проступит шрамом на теле старика.

В будущем, откуда пришёл старик, над Кремлём висит чужой флаг, а мать не узнаёт сына. Причина спрятана в особой папке Берии. Если до сентябрьского пленума она окажется не в тех руках, страна свернёт на другую дорогу.

Папку ищут все. Но тот, кто играет против, тоже знает будущее. И он уже в Москве.

Бункер под штабом округа, яма первого реактора, ночной кабинет на Старой площади, американское посольство с открытыми дверями.

У старика осталась одна жизнь, почти прожитая. Он знает, на что её потратить.

Третья книга цикла «Мальчик из сада».

Содержание

От автора	4
Глава первая. Двадцать шестое июня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Особая папка

От автора

Эта книга начинается в пятницу, 26 июня 1953 года. Для большинства людей в Советском Союзе это был обычный летний день. В Новосибирске летел тополиный пух, на заводах работала первая смена, в газетах писали о сенокосе и надоях. О том, что в этот день случилось в Кремле, страна узнала только через две недели.

Как и в первых двух книгах, всё, что можно проверить, проверено: даты, должности, адреса, кто где стоял и кто что подписал. Там, где документы молчат, начинается роман. Источником бывает и молчание.

Тем, кто открывает цикл с третьей книги, нужно знать немного. Осенью 2026 года первокурсник истфака МГУ Арсений Ершов заснул на скамейке в Александровском саду и проснулся в сентябре 1944-го. Он прожил в прошлом целую жизнь под чужим именем и вернулся домой столетним стариком. Но прошлое, которое он когда-то сдвинул, продолжало двигаться без него. Однажды утром мать его не узнала, а над Кремлём поднялся чужой флаг. Тогда он снова сел на ту же скамейку.

В этой книге герой встречается самого себя. Чтобы читатель не путался, молодого мы называем так, как его зовут в пять-

десять третьем: Андреем. Старика зовём Арсением или просто стариком. Это один человек. Им обоим придётся к этому привыкнуть.

И ещё одно. Между Москвой и Новосибирском четыре часа разницы. В этой книге это важно.

Глава первая.

Двадцать шестое июня

I

Новосибирск. 26 июня 1953 года.

Поезд подошёл к перрону в шестом часу утра. Старик сошёл последним, когда схлынула толпа с мешками и корзинами, и сразу посмотрел на вокзальные часы. Они показы-

вали без двадцати два. Железная дорога по всей стране жила по московскому времени, и вокзальные стрелки отставали от города на четыре часа. Старик сверил с ними трофейные часы Лучко и перевёл их на местное. Два времени. Сегодня ему понадобятся оба.

Четверо суток в общем вагоне тело ехало, а голова работала. Он знал за собой эту особенность с молодости: чем хуже рукам и ногам, тем яснее думается. Сейчас тело просило одного, лечь. Колени не гнулись, сердце сбивалось на каждом третьем ударе, левая рука, на которой осенью проступили шрамы, немела до локтя. А голова была ясной и холодной, как вода в колодце.

Вдох на четыре. Выдох на шесть.

Этой ночью, на стоянке в Омске, он купил в вокзальном киоске общую тетрадь в клеёночато́й обложке. Последний лист вырвал и до рассвета писал на нём план. Восемь пунктов мелким почерком. Первый был короткий: «Река. 7:00».

Свой двадцать шестой день июня он помнил по часам. Ту неделю он работал во вторую смену, с четырёх. В такие недели он каждое утро уходил на Обь, на песчаную косу ниже того места, где строили мост, и плавал с семи до восьми. Один: все, кого он знал, в это время стояли у станков. Он помнил холод воды, которая в июне ещё не забыла лёд, помнил, как на том берегу перекликались мостовики. Память не подводила его ни разу за сто лет. Сегодня она была его единственным оружием.

Катер-перевоз, пахнувший соляжкой и рыбой, переправил его на левый берег вместе с женщинами, которые везли на базар молоко в бидонах. Старик сидел на корме и смотрел, как из воды поднимаются серые быки будущего моста. Через два года по нему пойдут трамваи. Если у страны будут эти два года.

К семи он был на косе. Сел на перевёрнутую лодку шагах в тридцати от воды и положил палку поперёк колен.

Андрей пришёл в начале восьмого. Высокий, светловолосый, в выгоревшей майке, с полотенцем на шее. Он разделся у кустов тальника, вошёл в воду не раздумывая и поплыл саженками к середине реки, туда, где течение рвало воду в складки. Старик смотрел на него и не позволял себе ничего лишнего. Ни умиления, ни жалости. Только счёт: семь минут туда, семь обратно, ещё пять у кустов с полотенцем.

Андрей вышел из воды через пятнадцать минут. Растираясь, он скользнул взглядом по косе, по лодке, по старику на лодке, как по коряге, и отвернулся.

Не узнал.

Старик достал тетрадь и огрызок карандаша. Писал быстро, не отрывая грифеля: «26 июня 1953 года. Новосибирск. Я здесь». Ещё несколько строк, коротких, как телеграмма. Последнее слово подчеркнул дважды.

«Пока».

Потом он встал и пошёл к воде. На десяти шагах в ушах зазвенело, тонко, как проволока на ветру. Он ждал чего-то

такого с той минуты, когда в двадцать шестом году на руке проступил первый шрам, и поэтому не удивился, а отметил: десять шагов. На шести звон стал гуще, часы на груди замолчали. Старик остановился.

Андрей обернулся на шорох гальки.

— Ершов, — сказал старик негромко. — Арсений Дмитриевич. Четырнадцатое марта две тысячи восьмого года.

II

Андрей замер с полотенцем в руках.

Девять лет никто не произносил этого имени целиком. Девять лет он был Андреем Сергеевичем Коржевным, тысяча девятьсот двадцать четвёртого года рождения, и привык к чужому имени, как привыкают к чужой шинели: сначала давит в плечах, потом не замечаешь. А год рождения, две тысячи восьмой, здесь не мог знать никто. Ни Бережной, ни Берия. Этот год не значился ни в одной бумаге, потому что для бумаг его ещё не существовало.

— Кто вы?

— Времени мало, — сказал старик. — Поэтому коротко. Сосед по комнате в общежитии: Тимур Сафин, Уфа, храпел и клялся, что не храпит. Пароль от телефона: один, четыре, ноль, три, ноль, восемь. А это ты получил в сорок шестом.

Он оттянул ворот рубашки. Слева на шее белел тонкий косой шрам. Нож у горла, подполковник Сомов. Андрей поднял руку к собственной шее. Шрам был там, где ему полагалось быть. У обоих.

Он шагнул вперёд, не думая, только чтобы рассмотреть. В ушах ударило, как в колокол. Из носа у старика побежала кровь, тонкой струйкой, на губу и на подбородок. У самого Андрея во рту стало солоно.

— Стой, — сказал старик, не повышая голоса. — Назад. Шесть шагов.

Андрей попятился. Звон отпустил на четвёртом шаге, на шестом стих совсем. Старик прижал к лицу платок и кивнул, как кивают, когда опыт прошёл как надо.

— Запоминай. Ближе пяти шагов нам нельзя. Долго рядом тоже нельзя: один не выдержит. Я знаю, который. — Он закатал левый рукав. На худой руке белели рубцы, свежие и старые вперемешку. — Это проступило на мне там, у нас, в двадцать шестом. Каждый раз, когда здесь с тобой что-то случалось. Убьют тебя, меня не станет. Умру я, с тобой ничего не будет. Значит, беречь надо тебя. Это понятно?

— Понятно, — сказал Андрей, хотя понятно ещё не было ничего.

Он смотрел на старика и пытался увидеть в нём себя. Увидел не сразу. Сначала только старость: пятна на руках, восковую кожу, редкие белые волосы, которые шевелил ветер с реки. Потом брови, светлые, почти незаметные. Потом глаза. Серые, внимательные, они смотрели на него не как на внука и не как на чудо. Они смотрели так, как Бережной смотрел на карту: что здесь, сколько времени, где выход. Андрей узнал этот взгляд и поразился. Он не знал, что умеет так смотреть.

Значит, научится.

Значит, доживёт.

Старик тоже смотрел. На мокрые плечи без единой отметины, кроме той, на шее. На руки, которые ещё не знали, что их ждёт. На лицо, в котором было столько уверенности, что его хотелось одновременно обнять и отругать. Старик не сделал ни того, ни другого. Он убрал платок в карман.

— Сенечка, — сказал он. Голос дрогнул один раз и выровнялся. — У нас один день. Сегодня днём в Кремле арестуют Берию.

III

Андрей сел на песок. Ноги не держали, и стыдиться этого было некогда.

Берия. Девять лет над ним была эта рука: тяжёлая, страшная, но рука. Берия знал, кто он и откуда. Его снимки, его тетради, его настоящее имя лежали в папках, к которым не подпускали никого. Сегодня эти папки останутся без хозяина. Через день, через два в них полезут чужие люди: следователи, прокуроры, новые начальники, которым захочется знать, что прятал старый.

— Ты понял, — сказал старик. Это был не вопрос. — Теперь слушай. По пунктам.

Листка он не достал. Он помнил его наизусть.

— Первое. Сегодня ты уезжаешь в Омск. Вечерним поездом. К Лучко.

— Почему Омск?

— Потому что в моей жизни тебя в Омске похитили. Этим летом. И вытащили живым: Бережной и Лучко. Это единственный город на свете, про который я знаю наверняка, что ты оттуда выйдешь. Про другие города я не знаю ничего.

— А если в этот раз не вытащат?

— В тот раз ты не знал, что тебя ждёт. В этот раз знаешь. Так лучше.

Андрей хотел возразить и не нашёл чем.

— Второе. Сегодня ночью я лечу в Москву. Самолётом, с посадками в Омске, Свердловске и Казани. Завтра к вечеру буду там.

— У тебя нет документов.

— Нет. Поэтому билет мне сделает Бережной. Ты позволишь ему через час, с почты, и передашь две вещи. Фамилия: Матвеев, до Москвы я Матвеев. И место: дед ждёт у кассы аэропорта с девяти вечера. Пусть пришлёт своего человека с билетом и с бумагой, по которой меня посадят без паспорта. Мне Бережной не поверит, он вообще никому не верит, он проверяет. А тебе поверит, потому что проверял тебя девять лет.

— Почему Матвеев?

— Прадеда звали Иван Матвеевич. Чужую фамилию легко перепутать спросонья, а эту я не перепутаю.

— Третье. Зачем я лечу. — Старик помедлил, подбирая слова, первый раз за весь разговор. — Берия собирал бумаги на всех. На Маленкова, на Хрущёва, на остальных. Об этом

потом писали историки, это не тайна. После ареста почти всё найдут. Не всё. Одна папка пропадёт. Если до сентября она попадёт в нужные руки, Хрущёва не выберут Первым секретарём. Дальше страна поедет по другим рельсам. Через семьдесят лет эти рельсы приведут туда, где флаг синий, а мама меня не помнит.

— Откуда ты знаешь, что дело в папке?

— Я перебрал всё лето пятьдесят третьего по дням. Это самое узкое место. Здесь история висит на одной нитке, и кто-то за неё уже тянет.

— Кто?

— Четвёртое. Тимур здесь.

Андрей понял не сразу. Потом понял, и спину обдало холодом, хотя солнце уже грело.

— Он прошёл через дверь раньше меня. Насколько раньше, не знаю. Он знает всё, что знаешь ты, и всё, что было после. Примета такая: если кто-нибудь здесь назовёт тебя Сене́й, это он или его человек.

— Пятое?

— Пятое. На заводе возьмёшь три дня за свой счёт. За прогул сейчас судят, а тебе нельзя попадать ни в какие бумаги. Скажешь Фёдору Игнатьевичу, что в Омске заболела тётка. Он отпустит, он добрый, хоть и орёт.

— У меня нет тётки в Омске.

— Теперь есть.

Андрей усмехнулся одной стороной рта, и старик ответил

ему точно такой же усмешкой.

— Шестое, — сказал старик и перестал улыбаться. — Не умирай. Это главный пункт. Остальные можно провалить и переделать. Этот нельзя.

— А если умрёшь ты?

— Тогда доделаешь ты. Поэтому слушай, как мы будем разговаривать.

IV

— Седьмое. Связь, — сказал старик. — Записывать ничего не будешь. Ты историк, даты запоминаешь, вот и это запомнишь.

Звонить он будет через день, в шесть вечера по Москве, в Омске это девять. На квартиру к Лучко: телефон у него есть, номер Андрей знал. Сам старик будет звонить с Центрального телеграфа на улице Горького, из кабины, как звонят тысячи людей. Если звонка нет, ждать на другой день в тот же час. Если нет и тогда, значит, случилось плохое, и действовать вместе с Лучко по обстановке.

— На линии всегда трое, — сказал старик. — Ты, я и тот, кто слушает. Поэтому никаких имён, никаких должностей, ни слова про папки. Мы с тобой дед и внук. Дед поехал к родне, внук гостит у знакомых. Обычный разговор, дорогой, три минуты. Повторяй.

Андрей повторял.

«Дед здоров» значило: всё идёт по плану. «Дед прихворнул»: трудности, осторожно. «Деда положили в больницу»:

опасность, уходить немедленно и сменить место. «Нашёлся альбом»: папка найдена. «Свадьба» значило сентябрьский пленум, и что такое «к свадьбе успеем» или «свадьбу переносят», объяснять не требовалось. «Сосед» значило Тимур.

— И последнее, — сказал старик. — Если надо бежать сразу, без звонков, пришлю телеграмму до востребования на омский почтамт, на твоё имя. Слова будут такие: «Поздравляю с весной». В июне никто никого с весной не поздравляет. Получишь, бросай всё.

Андрей поднял на него глаза. Открытки «Весна» Лучко посылал всем своим каждый год, с сорок пятого. Слово было выбрано не случайно.

— Повтори всё.

Андрей повторил. Дважды, без единой ошибки.

— Восьмое. После почты меня не ищи. До Москвы мы не видимся, нас двоих не должны видеть вместе. Я буду стоять через улицу, у афишной тумбы. Выйдешь с почты: если Бережной всё понял, снимешь кепку. Дальний опознавательный признак, Бережной учил нас этому в сорок четвёртом: знак, который видно через улицу и который не поймёт никто, кроме своего. Если нет, не снимай, тогда я еду поездом, а созваниваемся, как условились. Иди звони.

* * *

Переговорный пункт помещался в почтовом отделении, в узкой комнате с тремя кабинами и деревянной скамьёй вдоль стены. Телефонистка в наушниках приняла заказ, не подни-

мая глаз. Срочный разговор стоил втрое дороже обычного, и Андрей отсчитал деньги не глядя. В Москве было начало шестого утра.

Вызвали через сорок минут.

— Москва, третья кабина.

В трубке шуршало и щёлкало, словно по проводу катили гравий. Потом голос, сиплый со сна, но без вопроса:

— Слушаю.

— Это Андрей. Из Новосибирска.

На том конце щёлкнуло ещё раз, отчётливо. Бережной это тоже услышал.

— Слушаю, — повторил он, и голос стал другим, проснувшимся до конца.

— К вам едет мой дед. Сегодня ночью, самолётом. Документов у него нет. Фамилия Матвеев. Будет ждать у кассы аэропорта с девяти вечера.

— Какой ещё дед?

— Такой же, как я. Только старше.

В трубке стало тихо. Андрей слышал, как в Москве, за три тысячи километров, дышит человек, который никогда ничего не принимал на веру. Секунда, другая.

— Понял. Матвеев, с девяти, у кассы. Человек подойдёт, билет и бумагу привезёт. Встречу сам. Ты куда?

— К нашему общему знакомому. К тому, у которого часы.

— Правильно. И вот что, Андрей. Сегодня больше никуда не звони. Ни мне, ни кому другому. Что бы ни услышал.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

В трубке щёлкнуло, и голос телефонистки сообщил, что время истекло. Время ещё не истекло. Андрей посмотрел на часы над окошком и понял, что разговор оборвали не на почте.

Он вышел на крыльцо. На той стороне улицы, у афишной тумбы, стоял старик с палкой и читал расписание кино, как читают люди, которым некуда спешить. Андрей снял кепку и вытер ею лоб.

Старик кивнул афише и пошёл прочь, не оглядываясь.

V

Фёдор Игнатьевич отпустил его без лишних слов. Посмотрел поверх очков, почесал обломанным ногтем бровь и сказал:

— Тётка так тётка. Чтоб в среду был у станка.

Андрей пообещал.

Дома он собрался по-солдатски быстро: смена белья, бритва, полбуханки хлеба, деньги из-под половицы. Восемьдесят вторую тетрадь, исписанную на треть, сунул за пазуху. Оставлять её здесь было нельзя.

Фотографию он заметил, когда уже собрался. Она лежала посередине стола, придавленная солонкой. Утром её здесь не было.

Уходя на реку, он, как всегда, запер комнату на висячий замок, и, вернувшись, нашёл замок на месте, закрытым. Ок-

но было заперто на шпингалет.

Он узнал снимок раньше, чем взял его в руки. Ступени Новосибирского театра, двенадцатое мая сорок пятого. Он сам на ступенях, худой, щурится от солнца и не знает, что его снимают. Этот снимок он видел один раз, в руках у Берии. Снимок лежал в папке, а папка лежала там, где хранятся вещи, которых нет.

На обороте карандашом, крупно, с сильным нажимом, было написано:

«С приездом. Обоим».

Андрей вышел в кухню.

— Ко мне кто-нибудь заходил?

— Днём спрашивал один, — сказала Зинаида, не поднимая головы. — Молодой, весёлый, всё улыбался. Зубы у него спереди железные, все, сколько видно. Назвался соседом твоим по общежитию. Я его в коридоре оставила, а сама к плите. Долго он там стоял, я и не слыхала, как ушёл. Ещё велел передать: «Нечестно, Сеня». Я говорю, какой он тебе Сеня...

Дальше Андрей не слушал.

Если кто-нибудь назовёт тебя Сеней, это он.

В дверях кухни он остановился и прикинул. Предупредить старика? Найти его в городе до ночи было можно, подойти к нему на шесть шагов тоже. Но старик сказал: после почты не искать. Нас двоих не должны видеть вместе. А тот, кто стоял сегодня у него в коридоре, знал про двоих. Зна-

чит, смотрел. Значит, ждал, что Андрей побежит к старику и приведёт его за собой.

Старик знал, что говорит. Андрей решил ему поверить.

Вечерний поезд на Омск отходил в начале девятого. Вокзальные часы показывали московское время: начало пятого. В Москве всё уже случилось. Никто на перроне об этом не знал: ни женщина с курами в корзине, ни лейтенант с чемоданом, ни проводница, которая проверяла билеты, не поднимая глаз. Андрей знал и молчал. Этому ремеслу его выучили давно.

Поезд тронулся. Андрей лёг на верхнюю полку, сунул фотографию во внутренний карман, к тетради, и закрыл глаза. Спать он не собирался.

Первый звонок был послезавтра, в девять вечера по-омски. Андрей уже знал, с какого слова начнёт.

«Сосед».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.